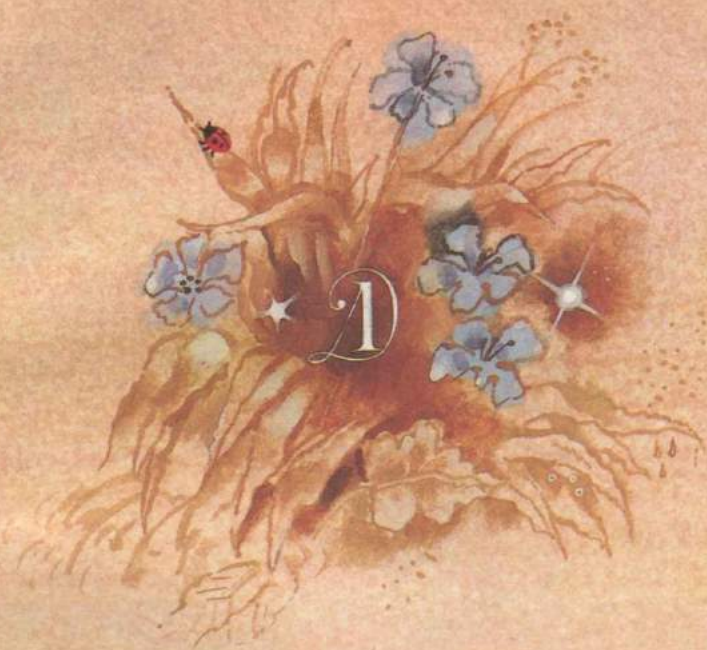

На́талья
Абра́мцева

*Что́ такое
зима*

Д

Наталья
Абрамцева

*Что такое
зима*

Сказки

Художник Анатолий Борисов

Москва
«Детская литература» 1988

ББК 84P7
А 16

А 4803010102—238 137—88
М101(03)-88
ISBN 5—08—000740—8

© Издательство «Детская литература», 1988

Ж

или-были Сова и Солнечный Луч. Они жили в одном лесу. Вернее, в лесу жила только Сова, а Солнечный Луч просто забегал в лес, когда солнце вместе со всеми своими лучами вставало над землёй.

Сова и Солнечный Луч дружили. Никто во всём лесу не мог понять, почему они дружат.

Очень простая сказка

— Странно,— говорили знакомые совы и даже сам дядюшка Филин,— что хорошего нашла наша Сова в этом Солнечном Луче? Он такой яркий, зажмуриться хочется.

Совы жмурились и засыпали. Ведь совы спят днём.

— Странно,— говорили братья нашего Лучика,— что хорошего он нашёл в этой Сове? С ней поговорить-то можно всего два раза в день: ранним утром, когда мы, лучи, уже проснулись, а совы ещё не уснули, и вечером, когда мы, лучи, ещё не уснули, а совы только проснулись.

Так говорили солнечные лучи и весело бегали по лесу.

Несмотря на эти разговоры, Сова и Солнечный Луч дружили.

На рассвете Солнечный Луч появлялся в лесу. Скользил по стволам сосен, и они становились золотыми. Стряхивал ночную росу с ело-

вых иголок. Потом Солнечный Луч разыскивал Сову, золотил её пёрышки и говорил:

— Привет, Сова!

— Доброе утро, Солнечный Луч! — отвечала Сова.

— Как прошла ночь в лесу? — спрашивал Солнечный Луч. — Всё было спокойно?

— Ах, нет! — хлопала глазами Сова. — Было очень беспокойно. Потерялся маленький лисёнок.

— Ой-ой-ой! — замигал Солнечный Луч.

— Все очень волновались, — сказала Сова.

— Куда же он мог деться? — не понимал Солнечный Луч.

— Он нашёлся. Я весь лес облетела, во все норы и дупла заглянула.

Глаза у меня в темноте зоркие. Я его и нашла, — отвечала Сова.

— Так где же он был?!

— Оказывается, заблудился и попал в берлогу дедушки Медведя.

— Ой-ой-ой! — опять замигал Солнечный Луч.

— Ничего страшного не случилось, — рассказывала Сова. — Дедушка Медведь очень гостеприимный. Он даже хотел угостить лисёнка мёдом, но лисёнок, оказывается, не ест мёда.

— Скажите пожалуйста! Как все, наверное, переволновались! — вздохнул Солнечный Луч.

— Кончилось всё хорошо! — Хлопнула жёлтыми глазами Сова.

— Ладно, Сова, — мигнул Солнечный Луч, — пора мне бежать. Дел сегодня много. Нужно лесные кувшинки позолотить и у маленькой берёзы сломанную ветку прогреть, чтобы зажила быстрее.

— Беги, Солнечный Луч, — кивнула Сова, — счастливого дня! До вечера!

— До вечера, Сова! Доброго сна!

Сова уснула на весь день, как и полагается совам. А Солнечный Луч занялся делами.

Вечером они снова встретились.

— Добрый вечер, Сова.

— Добрый вечер, Солнечный Луч. Как прошёл день? Все ли дела успел ты сделать?

— Да, Сова, — тихо ответил Солнечный Луч, — я всё успел. Позолотил и разгладил лепестки кувшинок, лечил берёзку веточку...

— А почему ты потускнел?

— Дело в том, что веточка никак не заживает. Может, я плохо лечу её?

— Приходи завтра пораньше, и берёзка обязательно поправится, — успокаивала Сова.

— Завтра встану раньше всех! — повеселел Солнечный Луч. —
И сразу к берёзке!

— Правильно, отправляйся спать, Солнечный Луч. Ты устал сегодня. Спокойной ночи! Я буду ждать тебя утром пораньше.

— Спокойной ночи, Сова!

И они простились.

Вот и всё. Вся сказка. Не про Бабу Ягу, не про Кощея Бессмертного, не про волшебников добрых и злых. Просто о том, как дружили Сова и Солнечный Луч — такие разные. И такие похожие.

Ж

ил-был Сон. Добрый, весёлый, цветной. Когда наплывала ночь, приходило время спать, Сон забирался под подушки к детям и взрослым. Заберётся Сон под подушку и начинает рассказывать разные интересные истории.

Добрый Сон знал множество забавных сказок и историй. Напри-

Сказка о двух Снах

мер, мамам Сон рассказывал о том, что их дочки получали пятёрки. Девочкам Сон часто дарил сказку о том, что прилетала жар-птица и оставила волшебное пёрышко.

Просто невозможно вспомнить всего, что знал Добрый Сон. Летом Добрый Сон рассказывал о ледяных сосульках, о заснеженных, сказочных, зимних деревьях, зимой — о зелёной-презелёной летней траве, о красной землянике.

Ночью все спят, а потому забот у Доброго Сна хватало: одному успей присниться, другому; здесь поспеши, там не опоздай.

А если опоздает Добрый Сон? Тогда — беда: его опередит Сон Злой. Злой Сон никогда не рассказывал весёлых, добрых сказок. Все его истории были печальными или страшными. Например, про Бабу Ягу, или про ангину, или про то, как поссорились лучшие друзья. После

такого сна обязательно болит голова, плакать хочется. Поэтому Добрый Сон всегда старался прошмыгнуть под подушку раньше Сна Злого.

Но как ни торопился Добрый Сон, не каждый раз удавалось ему уберечь всех от Сна Злого. И тогда вот что придумал Добрый Сон.

«Я поговорю со Злым Сном. Я попрошу его не рассказывать никому своих страшных, печальных историй», — решил Добрый Сон.

И вот в Стране Сказок, возле Старой Мудрой Ёлки, встретились два Сна — Добрый и Злой. Поговорить встретились.

— Послушай, Злой Сон! Почему ты рассказываешь такие страшные грустные истории?

А Злой Сон молчит и вздыхает.

— Ты что молчишь? — удивляется Добрый Сон. — И почему вздыхаешь?

А тот вздыхает грустно-грустно.

— Послушай! — спохватился Добрый Сон. — Может, ты вовсе не Злой? Может, ты просто Грустный?

Снова вздохнул Сон — то ли Злой, то ли Грустный. Вздохнул и сказал:

— Добрый Сон! Ах, Добрый Сон! Я очень не хочу быть злым. Но дело в том, что я не знаю ни одной доброй истории. Поэтому и рассказываю злые. Я же Сон, мне положено что-нибудь рассказывать.

— Как же так вышло? Ведь на свете столько добрых сказок!

— А я и не знал... Мне их никто не рассказывал...

— Что же нам теперь делать? — совсем растерялся Добрый Сон.

— Не знаю...

В это время Старая Мудрая Елка зашуршала своими иголками-хвоинками. Сны прислушались. Елка уронила одну иголку, потом ещё одну, потом ещё, ещё и ещё...

Падали зелёные иголки и превращались в яркие разноцветные листы с весёлыми картинками. Листы легли один на другой, а две последние иголки превратились в замечательную зелёную обложку — и получилась книжка. А иголок у Елки ещё много-премного осталось. «Сказки» — вот что было написано на обложке.

— Елка! — обрадовался Добрый Сон. — Ты замечательно придумала. Пусть Грустный Сон читает «Сказки» каждый день, тогда он перестанет быть злым.

— Перестану, — согласился второй Сон.

С тех пор, перед тем как присниться кому-нибудь, он читает одну из сказок Мудрой Елки. Прочитал уже почти всю книжку. Некоторые сказки знает наизусть. Но иногда, по старой привычке, он рассказывает печальные истории. Правда, всё реже и реже...

Скоро Сон дочитает Елкину книжку. А Елка подарит ему ещё одну. У неё много книжек.

В

домике на краю деревни жили Дедушка и Котёнок. Под печкой в доме жила Мышка.

Дедушка и Котёнок делали вид, что не знают об этом. Иначе пришлось бы её прогнать: кто же терпит мышей в доме? А Мышка была хорошая: нигде не шныряла, ничего не роняла, только подбирала крошки, что падали с печки.

Что такое зима

А ещё с Дедушкой, Котёнком и Мышкой жила красивая птица Удод. Правда, оранжево-бело-чёрный Удод жил не в доме, а в дупле старого дуба, который рос в поле, совсем рядом. Каждое утро Удод устраивался на ветке дуба, поднимал свой яркий хохолок, расправлял похожий на маленький веер хвост и приветствовал Дедушку своей песней: «Уду-уду-уду».

Ещё у Дедушки была Яблоня. Она росла в саду под окном. Приносила вкусные яблоки и вообще была Яблоней доброй и умной.

Вот так они и жили — Дедушка с Котёнком, Мышка под печкой, красивая птица Удод и Яблоня. Жили хорошо: солнце светило ярко, трава и листья зеленели, а разноцветных бабочек, с которыми играл Котёнок, было видимо-невидимо.

Но прошло лето... Котёнок подрос, зато дни стали совсем корот-

кими. Солнышко почти не показывалось, а дожди почти не переставали. И Котёнок носа во двор не высовывал.

Однажды Дедушка погладил Котёнка и сказал:

— Не грусти, маленький. Осень ненадолго. Скоро зима придёт...

«Зима какая-то... — подумал Котёнок. — Придёт... Она что же, у нас жить будет? — размышлял он. — Интересно, какая она — зима эта?»

Дело в том, что Котёнок родился в тёплом месяце мае. Потому и не знал сейчас, что это за зима такая...

Пока Котёнок раздумывал, у кого бы спросить о зиме, слышалось знакомое «уду-уду-уду». На ветке дуба сидел Удод. Котёнок подбежал к дереву, забрался на крепкую нижнюю ветку и позвал птицу:

— Пожалуйста, — попросил он, — объясни мне!

— С удовольствием! — ответил Удод. — Спрашивай, пока я не улечу.

— Скажи, кто такая Зима?

— О-о-о! — Удод гордо поднял яркий хохолок и важно заговорил: — Сейчас я тебе всё объясню. Во-первых, Зима не «кто», а «что». Во-вторых, Зима — это тёплая страна, куда мы улетаем, когда в наших родных краях становится прохладно. В-третьих, я улетаю как раз сегодня.

— Вот как? — удивился Котёнок. — Неужели Зима — это страна?

— Я знаю, что говорю, — обиделся Удод. — Первый раз я был в Зиме несколько лет назад. Похолодало так же, как сейчас. Пошли дожди. Взрослые птицы сказали, что пора собираться в путь, потому что нас ждёт Зима. И мы полетели. И прилетели в страну с зелёными пальмами и синим морем. Я понял, что эта жаркая страна называется Зимой. Мы каждый год улетаем в Зиму. Я надеюсь, ты понял? — спросил Удод.

— Спасибо, — ответил Котёнок, — объясняешь ты понятно, только я совсем запутался. Ты говоришь, что Зима — это жаркая страна, куда вы улетаёте, а Дедушка обещает, что Зима сама к нам придёт. Что-то здесь не так. Пойду спрошу у Яблони.

Удод гордо вскинул яркий хохолок и отвернулся.

Котёнок вприпрыжку помчался в сад. Яблоня была занята: она протягивала Дедушке свои ветки так, чтобы ему было удобнее снимать тяжёлые, ароматные, ярко-жёлтые яблоки. Наконец Дедушка собрал полную корзину и ушёл. Котёнок подкрался к Яблоне, упёрся передними лапками в её кряжистый ствол и спросил:

— Яблоня, Яблоня, ты поможешь мне?

— Конеш-ш-шно, малыш-ш-ш, — прошелестела Яблоня.

— Скажи, пожалуйста, кто такая, вернее... — запнулся Котёнок, — что такое зима?

— Зима, — поправила его Яблоня, — не «что», а «кто». Зима — это волшебница. Она скоро придёт. Она всегда приходит после долгих дождей. Красавица зима набрасывает на деревья и кусты чудесные белые шали. В первое мгновение белые шали кажутся очень холодными, но потом согреваешься. И постепенно засыпаешь. А когда просыпаешься, белого наряда уже нет. Зато чувствуешь себя отдохнувшей, сильной, знаешь, что твои цветы будут красивы, листва свежа, а плоды вкусны. Но зима в это время уже где-то далеко... Ты понял, малыш?

— Понять-то я понял, — Котёнок помолчал, — но то, о чём ты рассказываешь, совсем не похоже на то, что говорил Удод.

— А ты спроси кого-нибудь третьего, малыш, — прошелестела Яблоня.

— Точно, — обрадовался Котёнок, — спрошу у кого-нибудь ещё! Спрошу, — он задумался, — Мышку: она живёт тихо, всё слышит, всё знает. Наверное, и о зиме знает.

И Котёнок помчался к печке, под которой проживала Мышка. Он легонько поцарапал коготками о печку и позвал:

— Мышка!

А Мышка не отвечает. Котёнок снова позвал:

— Мышка, Мышка!

Тогда Мышка ответила:

— Меня здесь вовсе нет. Напрасно зовёшь.

— Да я знаю, знаю, что тебя здесь нет. И Дедушка знает. Ну, выгляни, не бойся! Мне очень нужно что-то у тебя спросить.

— Ну, ладно,— Мышка высунула остренькую мордочку с глазами-бусинками,— спрашивай.

— Что ты знаешь о зиме? — спросил Котёнок.

— Ах, зима! — Мышка выбежала из-под печки.— Зима — это прекрасно! Зима — это...— Восторженная Мышка, забыв о страхе, уже крутилась возле самых лап Котёнка.— Как бы тебе попроще объяснить? Зима — это когда тепло, потому что в печке трещат дрова. А ещё зима — это когда соседские мальчики и девочки собираются возле нашей печки и Дедушка рассказывает им разные сказки и истории. А я тоже слушаю.

Мышка снова чего-то испугалась и юркнула под печку.

Котёнок зажмурился и тряхнул головой — Мышка только всё запутала.

...Летели по ветру жёлтые листья, сидел на крыльце Котёнок, думал о прекрасной и непонятной зиме.

У

Мотылька были матовые тонкие крылышки. Он сидел на белом блестящем лепестке ромашки. Жёлтая весёлая середина цветка подсвечивала матовые крылышки. Вокруг было ещё много ромашек и травы, густой, зелёной-зелёной. Ещё было небо. Голубое, просторное, прогретое солнцем. Крохотный Мотылёк с матовы-

Шёлковая сказка

ми крылышками был почти незаметен среди этого весёлого лета.

Вот такая картина висела на стене напротив окна. Картина. Только не нарисованная. Ромашки, трава, небо и даже крошечный Мотылёк с матовыми крылышками — всё-всё было вышито по шёлку тонкими цветными шёлковыми нитками.

Давно, лет двести назад или сто пятьдесят, эту картину вышивала бабушка бабушки той девочки, что жила сейчас в комнате с шёлковой картиной. Когда девочка прапрабабушка вышивала весёлую картину с ромашками, она была молодой. Поэтому картина и получилась такой яркой, солнечной.

Кончила молодая прапрабабушка вышивать. Остался у неё совсем маленький моточек белого шёлка. Белого, но не блестящего, а чуть матового. Ну что с ним делать?! Раз, два, три стежка, и на

одной ромашке появился маленький матовый Мотылёк. Его почти не видно. Ведь кругом такие красивые ромашки, такая яркая густая перепутанная трава, такое небо, голубое-голубое. И среди этого маленький Мотылёк.

А знаешь, сколько с тех пор хозяек было у картины? Сколько комнат она украшала? Сколько разных людей любовались ею? Каждый обязательно восхищался:

— Ах, какая прелесть! Ромашки будто трепещут под ветерком.

— Ах, какое чудо! Трава как настоящая. Шелестит, кажется.

— Ах, какое небо! Просто чувствуешь его тепло!

Вот так говорили разные люди. И каждый обязательно добавлял, что шёлковая картина кажется живой.

Все любовались ромашками в густой траве и голубым небом, но никто ни разу не обратил внимания на маленького матового Мотылька. Что же удивительного? Крошечные крылышки были незаметны на фоне ярких летних красок. Но Мотылёк не обижался. Он сидел на прекрасной ромашке и радовался, когда о шёлковой картине говорили что-нибудь хорошее.

Так было все двести или сто пятьдесят лет. Но однажды — не знаю точно когда — случилась вот такая история.

В открытое окно влетела Бабочка. Чудесная Бабочка! Удивительно красивая: огромные золотисто-оранжевые крылышки с шоколадной каёмочкой и голубыми крапинками.

Когда шёлковый Мотылёк увидел прекрасную Бабочку, ему больше всего на свете захотелось заговорить с ней. Это было совсем не трудно. Прекрасная Бабочка была вовсе не воображалой, а очень даже общительной. Она подлетела к шёлковой картине, похлопала золотистыми крылышками и сказала:

— Какие прекрасные у вас ромашки, милый Мотылёк!

— Да, да! Они всем нравятся. Я рад, что вам тоже.

— Но знаете ли... вы только не подумайте, что я хваюсь! В моем саду тоже очень красивые цветы: красные, жёлтые, лиловые, оранжевые... Не хотите ли посмотреть?

— Я бы с удовольствием. Но можно ли мне покинуть мою ромашку? Ведь все давно привыкли, что я здесь.

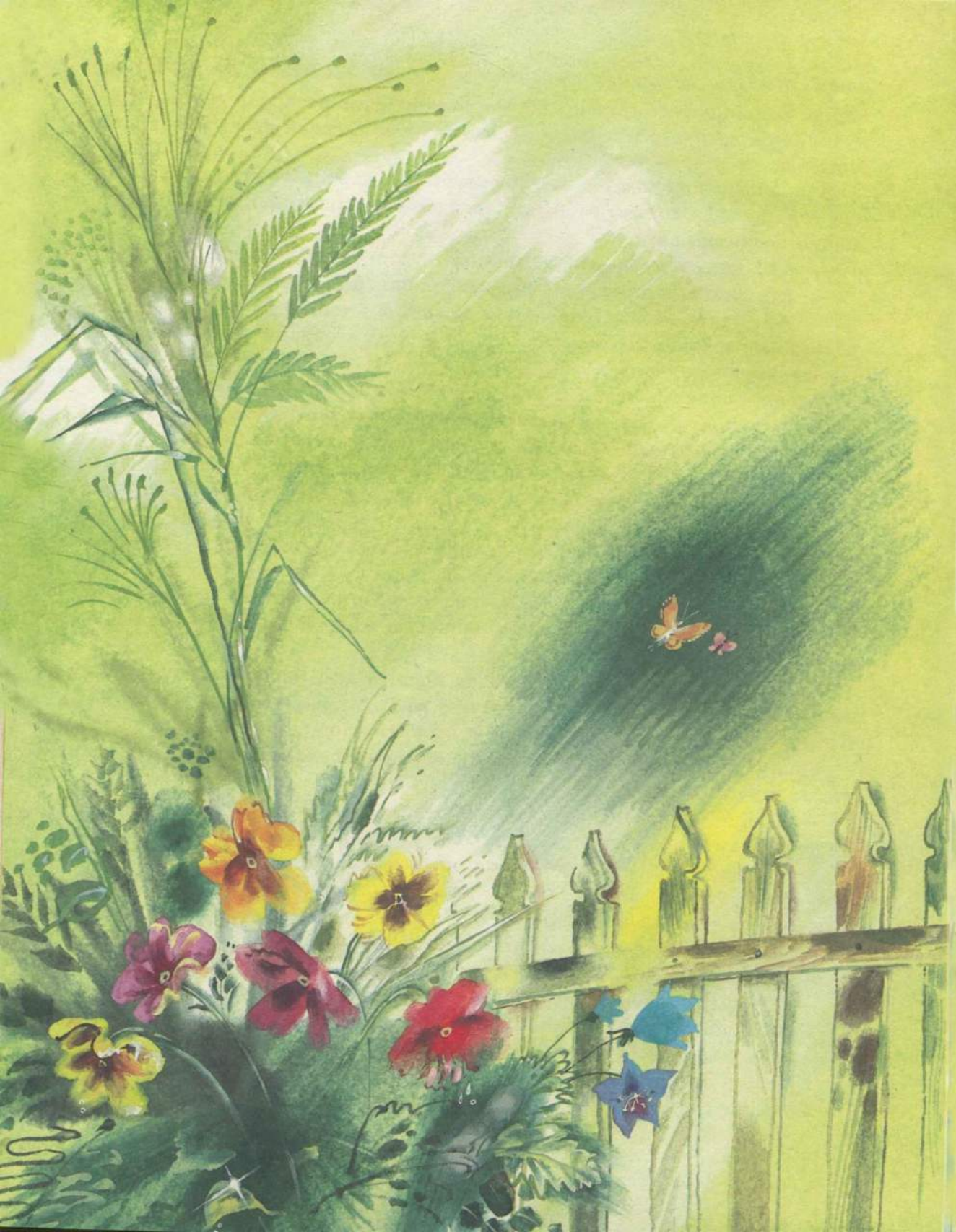
— Ну, подумаешь — несколько часов! Никто ничего и не заметит.

И шёлковый Мотылёк вместе с прекрасной Бабочкой полетели в сад к разноцветным цветам.

Картина осталась на месте. В доме ничего не изменилось.

Пришли гости, посмотрели на шёлковую картину.

— Красивая картина, — сказал один.

— Смотрите, какие ромашки! Они похожи на пуговицы. Забавно! — заметил другой.

А третий сказал:

— Какое небо голубое. Оно на что-то похоже. Только забыл — на что. Ах, вспомнил! На занавески моей соседки.

Картину хвалили: «Красиво, забавно...» Всё так. Но никто не сказал, что ромашки будто трепещут на ветерке, а перепутанная зелёная трава шелестит. Никто не сказал, что картина кажется живой. Почему же так? Двести лет, ну в крайнем случае, сто пятьдесят, ромашки трепетали, трава шелестела, небо тёплым казалось, а теперь... Занавески соседкины... Пуговицы забавные...

Обидно как-то.

Но вот вернулся Мотылёк. Ему, конечно, понравились цветы прекрасной Бабочки. Но он торопился домой. Мотылёк опустил на свою ромашку, расправил матовые крылышки и замер.

И странная история получилась. Все увидели, как затрепетали ромашки, а трава, кажется, зашелестела, а небо потеплело.

Шёлковая картина снова стала не просто прекрасной, а живой, как двести лет назад.

...Кстати, маленький Мотылёк сидел на своей чудесной ромашке так же спокойно, незаметно. Как будто он ни при чём.

A background illustration of a seascape. In the foreground, there are dark, jagged rocks. The sea is depicted with white-capped waves. The sky is a mix of light blue and green, with a bright, hazy area on the left side, suggesting a sunrise or sunset. The overall style is painterly and somewhat ethereal.

ил-был Ветер. Хорошо жил. Весело. Время было жаркое, а потому везде и всюду Ветру радовались. Подует Ветер с поля — запах горячих колосьев принесёт. Люди довольны. С луга Ветер подует — аромат скошенной травы прилетает. Снова люди довольны. Ну, а уж если с моря Ветер влажную солёную прохладу прине-

Сказка о Ветре

сёт — люди радуются, нарадоваться не могут.

Ветер умел делать множество вещей. Он дружил с мельницей: помогал молоть золотое зерно. Умел надувать парус лодки и гнать её по синему морю. Умел сушить стирное бельё не хуже солнца. И даже страницы книг умел листать Ветер. Правда, не всегда в нужную сторону.

Всё у Ветра хорошо получалось. И поэтому, если иногда он слишком громко хлопал окнами, никто на него не обижался. Ведь это был добрый, свежий Ветер!

Так было летом. Но вот пришла осень. Холодная, сердитая осень. Небо затянулось серыми тучами. Полил сильный дождь. Все по домам попрятались. И люди, и кошки, и собаки, и зайцы, и волки. Вот только Ветер на улице остался. Не было у него дома.

Летал он по холодному лесу. Летал в поле, в поле сером, без единого тёплого жёлтого колоска. Летал над холодным морем. Не синим, как летом, было море, а серым, как осенний дождь. Летал, летал озябший Ветер, и чем быстрее он летал, тем холоднее ему становилось.

Совсем замёрз Ветер. А люди в тёплых домах сидят, от осени спрятались.

« Попрошу людей пустить меня в дом погреться », — решил Ветер. Подлетел Ветер к самому красивому дому, постучал в окно:

— Пустите меня, пожалуйста! Это я, Ветер! Вспомните, как мы дружили летом. Сейчас мне холодно...

Но люди плотнее закрывали рамы и отходили от окон.

« Они не узнали меня », — подумал Ветер. Снова постучал в окно, снова пожаловался на осенний холод и дождь, снова попросил пустить его в дом погреться.

Но люди не понимали слов Ветра. Им казалось, что он просто гудит за окнами. Вместо того чтобы открыть окна и пустить Ветер погреться, люди вставляли вторые рамы.

— Какая непогода! Какой дождь! — говорили люди. — Какой холодный ветер!

— Я не холодный, — плакал Ветер, — я замёрзший.

Вдруг кто-то окликнул Ветер. Слова то звенели, как острые холодные льдинки, то казались мягкими и тёплыми, как снежное одеяло. Конечно, это был голос Зимы.

— Ветер! — позвала Зима. — Не плачь, Ветер! Я подарю тебе накидку из снежинок. Лёгкую, красивую...

И Зима бросила Ветру накидку из прекрасных снежинок. Ветер примерил накидку и остался очень доволен. Она действительно была красивой и тёплой.

Когда люди посмотрели в окна, они увидели Ветер в снежной накидке и не узнали его. Таким красивым он был.

— Какая красивая новогодняя метелица, — говорили они.

А Ветер летал по заснеженному лесу, размахивал накидкой из снежинок, и ему было немножко обидно, что не ему радовались люди, а красавице метелице.

Ваза жила на маленьком столике с резными ножками. Красивая Ваза старинного гранёного стекла. Её узорчатые грани умели ловить лучи солнца, играли с ними, а потом кидали назад, к солнцу. От этой игры вся Ваза и даже вода в ней светились.

Ваза очень любила цветы и сердилась, если хозяйка оставляла её

Сказка о Старой Вазе

без цветов. Но это бывало крайне редко.

Ранней весной в Вазе появлялись жёлтые цветы. Они были похожи на крохотные пушистые шарики и казались почему-то очень тёплыми. А назывались — мимоза.

После мимозы приходили нарциссы. Нежные весенние цветы. Белые нарциссы похожи на лёгких шестикрылых мотыльков. Жёлтые нарциссы казались серьёзнее и подходили на короны маленьких фей.

Потом являлись тюльпаны. Жёлтые, красные и жёлто-красные. Розовые, белые и розово-белые. А иногда и лиловые. Удивительно яркие цветы. Но случалось, Ваза уставала от их весёлого шумного шёпота.

На смену тюльпанам приходила сирень. Бледно- и тёмно-сиреневая. Или белая. Её прохладные пушистые кисти казались Вазе очень спокойными.

Ваза всегда ждала сирень ещё и потому, что знала: раз сирень — значит, наступило лето. А лето — пора цветов.

Пионы. Белые, розовые, бордовые. Плотные мячики — бутоны и пышно распустившиеся взрослые цветы.

Лилии. Ярко-оранжевые в чёрную крапинку. Очень гордые.

А гладиолусы? Им хочется казаться строгими. Но это не так. Гладиолусы розовые, белые, светло-оранжевые — добры и задумчивы. Красные же и тёмно-бордовые гладиолусы серьёзны и даже мудры. Так казалось Вазе.

А флоксы? Золотые шары? Разноцветные садовые ромашки? Разве вспомнишь все цветы лета?!

Но вот появлялись астры. Хозяйка очень любила астры. Ваза тоже. Конечно, они красивы. Бордовые, белые, тёмно-красные, синеватые и

голубоватые с чуть блестящими округлыми лепестками или бледно-розовые, бледно-сиреневые, светло-жёлтые с узкими лепестками.

Чудесные цветы, но грустные. Ведь астры — это осень. Долго цветут астры. Всю долгую осень. До первого снега.

А потом? Зимой? Ваза остаётся без цветов? Нет, конечно. Морозной зимой в тёплых оранжереях с маленькими искусственными солнышками-светильниками всегда растут цветы.

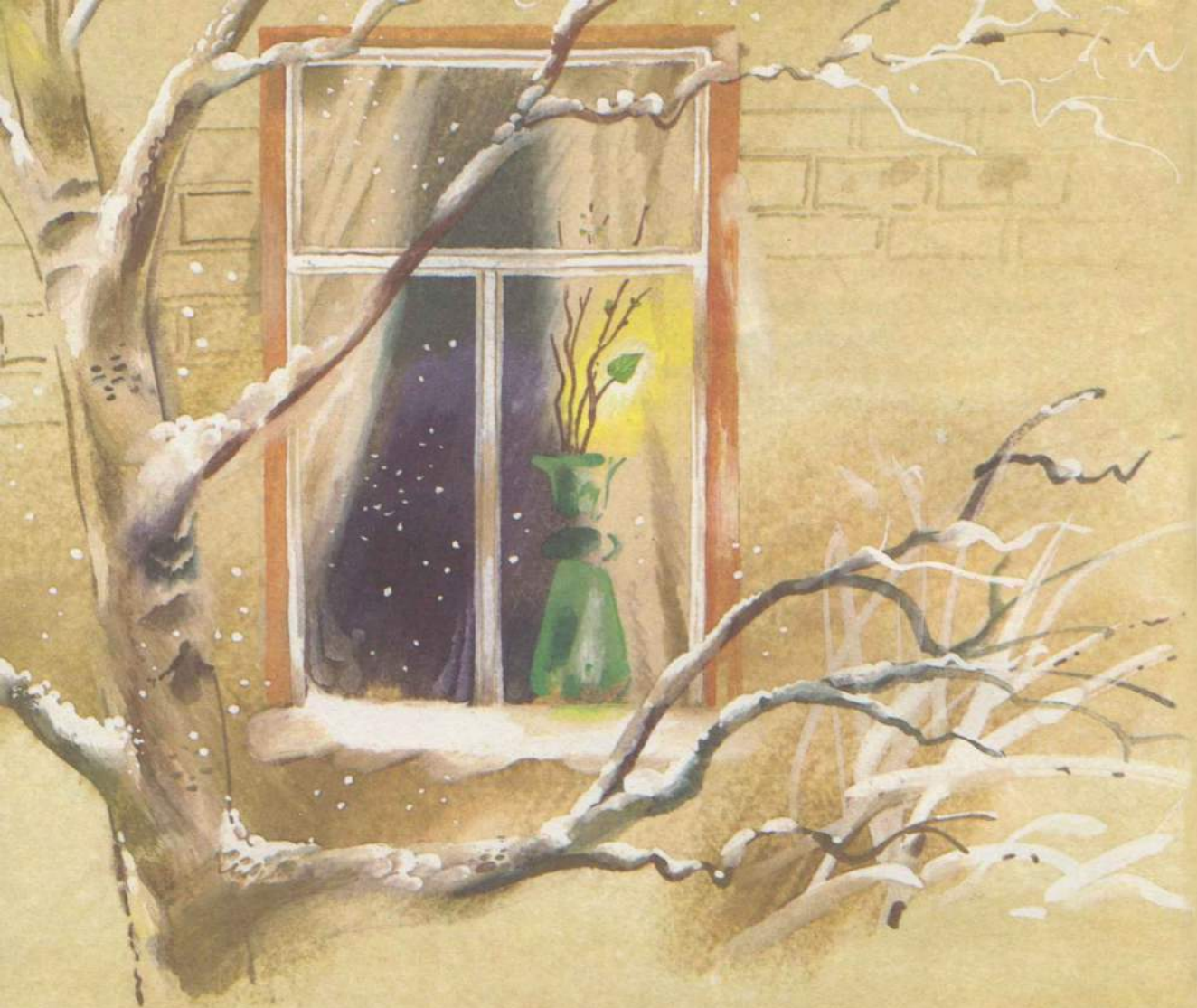
Гвоздики. Розовые — нежны. Красные — торжественны.

И конечно, самыми прекрасными были розы.

Вот так и жила Ваза: круглый год с чудесными цветами.

Но однажды зимой, в мороз и снег хозяйка принесла домой не гвоздики, не розы, не другие какие-то тепличные цветы. Хозяйка налила в Вазу свежей воды и осторожно опустила в неё обыкновенные, ну самые

обыкновенные голые замёрзшие ветки. Они были так холодны, что Ваза даже чуть вздрогнула.

— Это,— сказала хозяйка, поправляя ветки,— тополь. На дерево с крыши снег сполз. Ветки обломал.

«Странно,— подумала Ваза,— зачем нужны эти голые, без единого цветочка ветки? Разве на них распустятся розы или гвоздики?»

Но хозяйка каждый день меняла веткам воду. Ставила их на солнце, внимательно рассматривала — будто ждала чего-то необыкновенного.

А Ваза удивлялась, чего же можно ждать от обыкновенных веток обыкновенного тополя?..

Но вот однажды утром, когда на улице мела метель, а стёкла окон были разрисованы морозом, Ваза услышала тихое шуршание. Потом

кто-то айкнул. Потом чихнул. Потом шёпотом, потому что все, кроме Вазы, спали, сказал:

— Здравствуйте!

И вдруг запахло весной: тёплым весенним ветром, первой зеленью. Что за чудо? На улице снег стеной, откуда-то весной повеяло. У Вазы, если можно так сказать, даже голова закружилась. Она тихонько зазвенела, разбудила хозяйку.

Хозяйка сразу раздвинула шторы и подошла к Вазе.

— Ну вот, — сказала она, — не зря мы с тобой ждали.

И тут Ваза увидела, что на одной из тополиных веток появился крохотный ярко-зелёный клейкий листочек.

«Так это он принёс весну, — поняла Ваза, — весну зимой, в снег. Такой маленький...»

И всеми гранями старинного стекла Ваза приветливо прозвенела: «Здравствуй! С днём рождения!»

Ж

ил-был Дом. Старый, деревянный. Крыша покосилась. Печка развалилась. Труба набок съехала. Окна не открываются, двери не закрываются. Щели в полах.

Когда-то давно в Доме жили люди. Тогда он был новенький и красивый. А потом люди уехали. Дом стал скучать и стареть.

Сказка про Старый Дом

Сад вокруг Дома даже одичал от одиночества. Яблоки стали кислыми, вишни мелкими. Вместо цветов — высокая трава, крапива да лопухи выросли.

Вот и жил заброшенный Старый Дом в заброшенном Старом Саду.

Весной, когда стаивали огромные сугробы, выползло из-под снега кривое крылечко, Дом и Сад просыпались после долгого зимнего сна. Просыпались, потягивались, поскрипывая старыми досками и ветками. И Дом говорил:

— А не думаешь ли ты, Сад, что в этом году к нам могут вернуться люди?

— Думаю, — неуверенно отвечал Сад.

— Мы должны подготовиться к встрече, — говорил Дом.

— Конечно, — соглашался Сад. Им помогали ветер, дождь и солнце. Ветер влетал в Дом через

трубу. Проветривал комнаты, чердак и даже подвал. Потом через вечно открытую дверь вылетал в Старый Сад. Выметал прошлогоднюю листву, сухие ветки. Помогал, очень осторожно, развёртываться нежным лепесткам давно уже диких яблонь и вишен.

После ветра за дело брался дождь. Дождь тщательно отмывал весь Дом: от съехавшей набок трубы до самого крылечка. Конечно, особенно дождь старался, когда мыл окна. Ведь стёкла всё-таки. Пусть и разбитые. Ещё дождь своими сильными струями освежал уже густую листву сирени, разглаживал листья тополей. И землю в Саду поил дождь. Жаль, конечно, что не розы на ней вырастут, а лопухи да крапива, но пусть и они лучше зелёными и крепкими будут, чем чахлыми.

За ветром и дождём приходила очередь солнца. Солнце хорошенько просушивало Дом. Гладило золотыми лучами стёкла, чтоб блестели ярче. Золотило старые наличники на окнах. Потом лучи солнца скользили по Саду. Заглядывали в каждый крохотный цветок сирени, чтобы те светились маленькими искорками.

Затем снова прилетал ветер. Он где-то раздобыл семена кое-каких цветов, но ветер не был настоящим садовником и разбросал семена, как умел. А потому одуванчики выросли не только в густой траве, но и на крыльце. А одна ромашка ухитрилась поселиться даже на крыше в какой-то щёлочке.

Так ветер, дождь и солнце помогали готовиться заброшенному Дому и Старому Саду к встрече людей.

Дом и Сад ждали. Но люди не приходили. Вернее, приходили, но, посмотрев на Дом и Сад, уходили.

— Это старый дом,— говорили люди,— у него крыша съехала набок и крыльцо почти развалилось. Разве это дом?

— Да, конечно,— соглашались другие люди,— и сад тоже совсем заброшен. Яблоки мелкие, вишни кислые. А крапивы сколько-о-о!.. А трава-то как разрослась... Разве это сад?

— Нет,— решали люди,— лучше мы построим новый красивый дом и вырастим новый замечательный сад.

И люди уходили. Дом и Сад очень огорчались и начинали ждать снова. Ждали, ждали... И дождались.

На покрытом пылью долгих дорог велосипеде к Дому подъехал Человек. Куда он ехал? И откуда? Кто знает?.. Остановили его эти Дом и Сад. Остановили, потому что очень удивили: Дом, с ромашкой на покосившейся крыше, с одуванчиками на кривом крыльце, Сад, в котором ветви

старых яблонь переплетаются с ветками дикой сирени, как в сказочном лесу, а по земле стелются тёмно-зелёные лопухи, похожие на огромные зонтики.

— Ой,— сказал Человек.— Это что же? Заколдованный Дом и заколдованный Сад?

«Вовсе мы не заколдованные,— подумали Дом и Сад,— мы просто заброшенные».

— А может быть, они заброшенные? — как бы вторя им, сказал Человек.— Пожалуй, останусь я здесь,— решил он.

...Что же из этого получилось? То, чего не могло не получиться. Яблочки стали крупными-крупными, вишни сладкими-сладкими. Среди лопухов расцвели ярко-красные маки величиной с огромные воздушные шары. Крылечко перестало просто скрипеть, оно стало петь очень музыкально. А дверь, которая уже много лет не могла шевельнуться, с удовольствием и лёгкостью открывалась и закрывалась...

А почему же так вышло? Разве не ясно...

Т

оздно вечером далеко за лесом плыл Туман. Выбрался он на опушку и разлетелся на множество клубочков. Получилось видимо-невидимо лёгких, молочно-белых шаров. Это было очень красиво.

Но шары просто висели в воздухе, и никто ими не играл. Поэтому было Туману невесело.

Сказка о Тумане

Он собрал все свои клубочки вместе, взлетел чуть выше и растянулся в чудесный пушистый ковёр. Получился замечательный ковёр-самолёт. Но никто никуда не собирался лететь на этом волшебном ковре.

И тогда Туман решил, что ему просто необходимо иметь друга. Иначе он испарится от печали. А это гораздо хуже, чем испариться от солнца. Исчезнуть от солнца Туману не страшно, ему полагается таять с первыми солнечными лучами и не появляться до вечера. Но исчезнуть, растаять от печали... Это очень обидно.

Туман вздохнул, посмотрел вниз и увидел Тропинку. Тропинка бежала через луг, поросший высокой травой, а потом ныряла в лес.

— Тропинка, — позвал Туман мягким тихим голосом. — Тропинка, стань моим другом.

— Твоим другом? — отозвалась Тропинка. — А как мы будем дружить?

— Мы будем замечательно дружить, — ответил Туман. — И ты, и я — мы знаем много интересного. Я — потому что могу приподняться над землёй и всё разглядеть. А ты — потому что бежишь далеко, через луг, через лес и тоже много видишь. Вот мы и будем рассказывать друг другу разные истории.

— Это было бы хорошо, — согласилась Тропинка. — Но уж очень я длинная, поэтому один мой конец тебя прекрасно слышит, а другой, дальний, еле различает твои слова.

— Не беда, — возразил Туман. — Смотри!

Он вытянулся в длинную белую ленту и поплыл над Тропинкой. Очень скоро лента густого белого Тумана скрыла всю Тропинку от начала до конца.

— Вот, — сказал Туман. — Теперь ты должна меня видеть и слышать.

— Точно, — подтвердила Тропинка. — Я тебя отлично вижу и слышу. Правда, ты такой густой, что, кроме тебя, я вообще ничего и никого не вижу. Это очень неудобно. Но раз мы друзья — я потерплю. Давай рассказывать интересные истории. Ты первый.

Но только Туман собрался начать свой рассказ, как послышался удивлённый и недовольный голос. Голос Лесника, который возвращался из города в свой лесной дом.

— Ничего не понимаю, — ворчал старый Лесник, — шёл по знакомой тропинке и вдруг заблудился: туман. Туман спереди, туман сзади. Что за напасть! Ничего не вижу! Где же тропинка? Ну где же тропинка?

— Ой, — заволновалась Тропинка, — милый Туман! Ведь меня из-за тебя совсем не видно! Я и не подумала об этом. А как же без меня дедушка Лесник найдёт свой дом? Прости меня, Туман, но мы не можем быть друзьями. Уходи, пожалуйста.

— Я понимаю, — печально сказал Туман.

Белая пышная лента быстро свернулась, Туман повис над опушкой. Тропинка снова стала заметной.

Вдруг видит Туман: невдалеке что-то белеет. Пригляделся он, но было темно и плохо видно. Ведь уже ночь наступила. «Интересно, — подумал Туман, — кто-то белый. И я белый. Может быть, мы сумеем подружиться?..»

Оказалось, то белеют берёзы. Целая берёзовая роща. Листва берёз терялась в темноте, а белая кора стволов казалась в лунном свете ещё белее.

— Берёзы,— робко сказал Туман.— Станьте моими друзьями, пожалуйста.

— Мы бы рады, но... Мы бы рады, но... Мы бы рады, но...— прошелестели берёзы по очереди.

— Мы бы рады,— закончила за всех Самая Красивая Берёза,— но мы красивы.

— Конечно,— подтвердил Туман,— вы очень красивы. Вы прекрасны! Но разве ваша красота мешает нам дружить?

— Да,— сказала Самая Красивая Берёза.— Мешает. Если мы будем дружить, если пустим тебя в нашу рощу, мы... мы... будто исчезнем. Ты белый, и мы белые. Мы будто растворимся, и никто не сможет нами любоваться. А зачем тогда наша красота?

— Но,— пробовал спорить Туман,— сейчас ночь. Для кого же ваша красота?

— Как?! — заволновались берёзы.— А ночные мотыльки? А ночные цветы? А ветер ночной?

— А сама Ночь? — спросила Самая Красивая Берёза и добавила: — Нет, Туман, не обижайся, но нам нельзя дружить. Уходи, пожалуйста.

И поплыл печальный Туман снова искать друга. Кого? Где? Не знал он. И вдруг видит: в траве что-то маленькое, белое, как клочок Тумана, только с длинными ушами и коротеньким хвостиком. «Ну уж с этим маленьким пушистым клубочком я обязательно подружусь. Во что бы то ни стало!» — решил Туман.

Он подкрался к ушастому, как пушистой шапкой накрыл его и спросил:

— Ты кто?

— Заяц, — быстро ответил тот и спросил: — А ты? — И добавил: — Я тебя боюсь.

— Заяц, ну конечно, ты Заяц. Теперь я вижу. А я — Туман, — мягко ответил Туман. — Ты меня не бойся. Я хочу с тобой дружить. Согласен?

— Согласен. Утром начнём дружить.

— Нет, нет, — заволновался Туман, — не утром. Утром я растаю.

— А я ночью так боюсь!! Боюсь темноты! Боюсь волков! Так боюсь, что меня, можно считать, почти и нет. А значит, дружить с тобой я не могу,— выпалил Заяц.— Извини! Я домой!

Прыгнул Заяц в сторону, и не видно его.

А Туман снова один. «Ну что же я за несчастный,— заплакал Туман (слёзы Тумана люди росой называют),— никто со мной не дружит. Никому я не нужен».

Но недолго плакал Туман. Скоро услышал он громкое хлопанье сильных крыльев, щёлканье крепкого клюва, сердитое уханье. А потом увидел жёлтые-прежёлтые яркие круглые глаза. Мудрая птица опустилась на ветку старой ели.

— Плачешь? — то ли насмешливо, то ли сочувственно спросила Сова и добавила: — Глупый...

— Почему глупый? — вздохнул Туман.

— Потому что глупо то, что ты говоришь «я никому не нужен». Так не бывает, чтобы кто-то не был нужен, просто необходим хотя бы кому-то одному на свете,— спокойно сказала Сова.

— Ты точно это знаешь? — с надеждой спросил Туман.

— Я — Сова,— хлопнули жёлтые глаза,— могу ли я что-то знать не точно?

— И ты знаешь, кому необходим я? Ты поможешь нам стать друзьями?

— Знаю. Помогу,— ответила Сова.— Лети за мной.

Сова расправила сильные мягкие крылья и полетела невысоко и небыстро. А Туман послушно поплыл за ней. Недолго был их путь.

Туман увидел небольшое Озеро, поросшее у берегов зелёной осокой. Послышались тихие звуки: кто-то вздыхает, сетует.

Туман окружил Озеро. А Сова спросила:

— О чём вздыхаешь, Озеро?

— Ах, беда, беда у меня,— заволновалось Озеро.— Я сейчас выйду из берегов.

— Ты плачешь? — спросила Сова.

— Нет,— ответило Озеро,— я волнуюсь! Рыбы, что у меня живут, не могут уснуть. Слишком ярко горят звёзды. Свет звёзд дробится в моей воде, становится ещё ярче, не даёт рыбам спать. Я сейчас выйду из берегов,— волновалось Озеро,— жаль мне бедных рыб моих.

— Вот как...— будто бы равнодушно сказала Сова и улетела.

А Туман? Туман повис над Озером и укрыл его плотным пушистым ковром-одеялом. Яркие лучи звёзд тонули, терялись в клубах Тумана и уже не мешали спать ни одной, даже самой беспокойной рыбке.

— Спасибо тебе, — сказала Озеро Туману. — Спасибо, ты помог моим рыбам и мне. Ты настоящий друг.

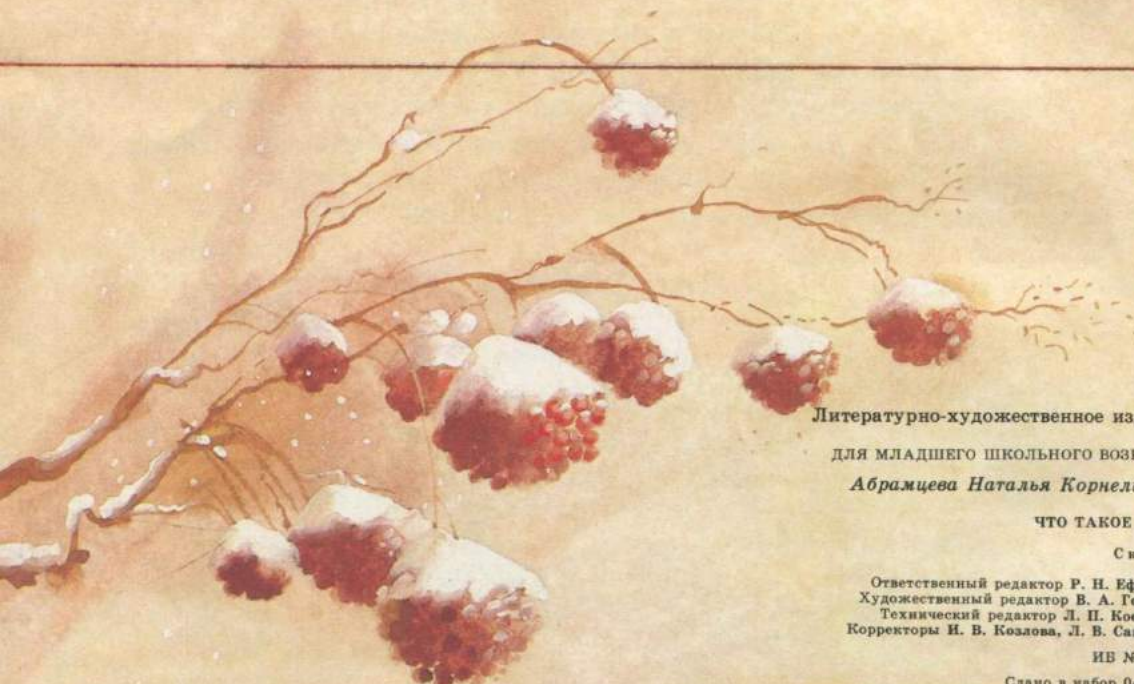
Вот и всё. Теперь, когда ты увидишь над озером белый пушистый туман, ты поймёшь, что всё в порядке: рыбы спят, а два друга — Туман и Озеро — о чём-то беседуют.

Может быть, серьёзные учёные назовут эту историю сказкой, выдумкой. Может быть, скажут они, туман совсем не потому стелется над озером. Может быть. Но я рассказала тебе то, что узнала от Озера, Тумана и Совы.

Содержание

ОЧЕНЬ ПРОСТАЯ СКАЗКА	5
СКАЗКА О ДВУХ СНАХ	9
ЧТО ТАКОЕ ЗИМА	13
ШЕЛКОВАЯ СКАЗКА	19
СКАЗКА О ВЕТРЕ	25
СКАЗКА О СТАРОЙ ВАЗЕ	29
СКАЗКА ПРО СТАРЫЙ ДОМ	35
СКАЗКА О ТУМАНЕ	41

Литературно-художественное издание

для младшего школьного возраста

Абрамцева Наталья Корнелиевна

ЧТО ТАКОЕ ЗИМА

Сказки

Ответственный редактор Р. Н. Ефремова
Художественный редактор В. А. Горючева
Технический редактор Л. П. Костинова
Корректоры Н. В. Козлова, Л. В. Савельева

ИБ № 10153

Сдано в набор 04.06.87.

Подписано к печати 03.03.88. Формат 84×108^{1/16}.

Бум. офс. № 1. Шрифт школьн. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 21,84. Уч.-изд. л. 8,37.

Тираж 100 000 экз. Заказ № 6417. Цена 80 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Абрамцева Н. К.

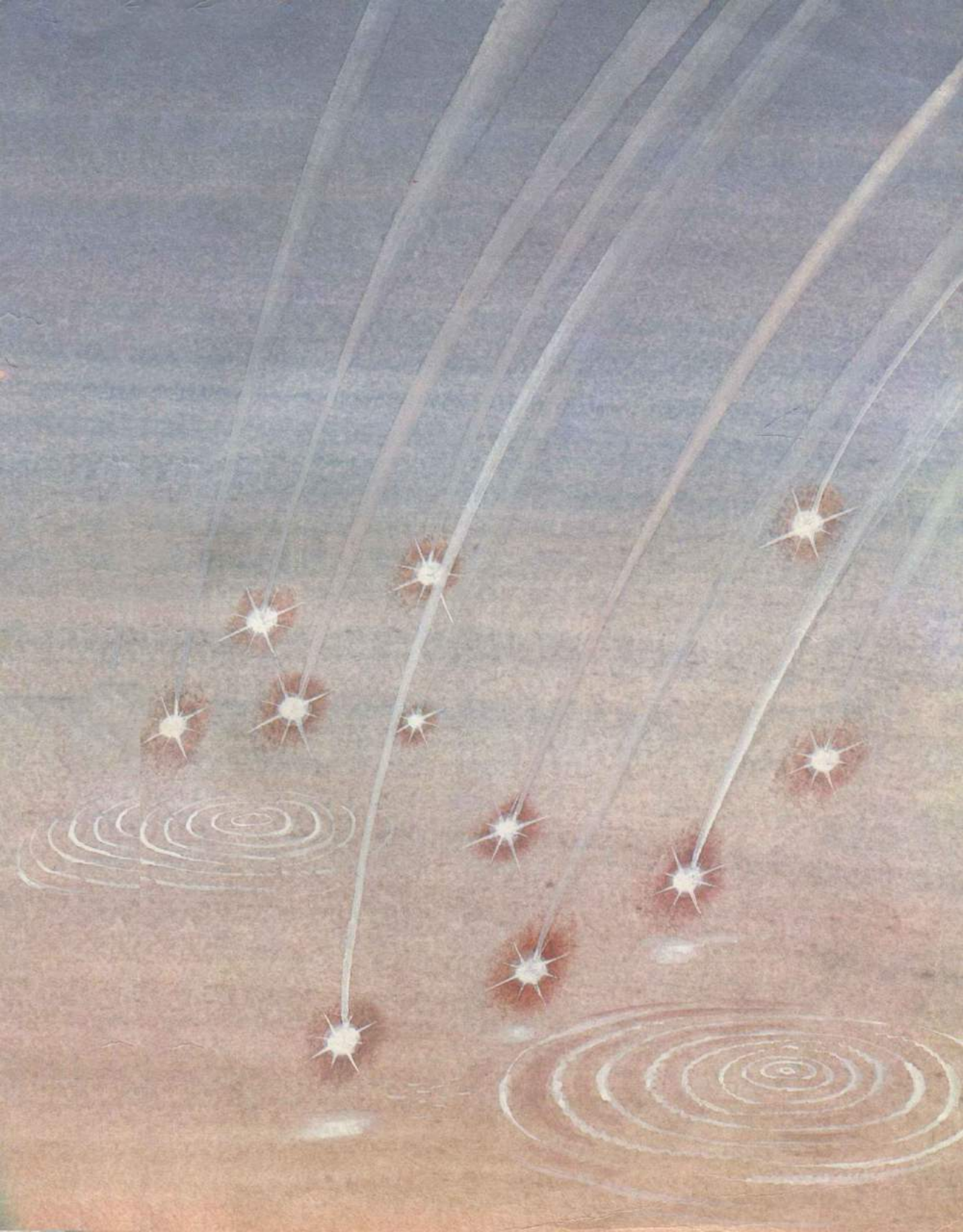
А 16 Что такое зима: Сказки/Худож. А. Борисов.— М.:
Дет. лит., 1988.—48 с.: ил.

ISBN 5—08—000740—0

В книгу вошли новые сказки Н. Абрамцевой. Они несут людям душевное тепло
и доброту, авторские раздумья о жизни.

А 4803010102—238
М101(03)-88 137—88

ББК 84Р7

80 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

